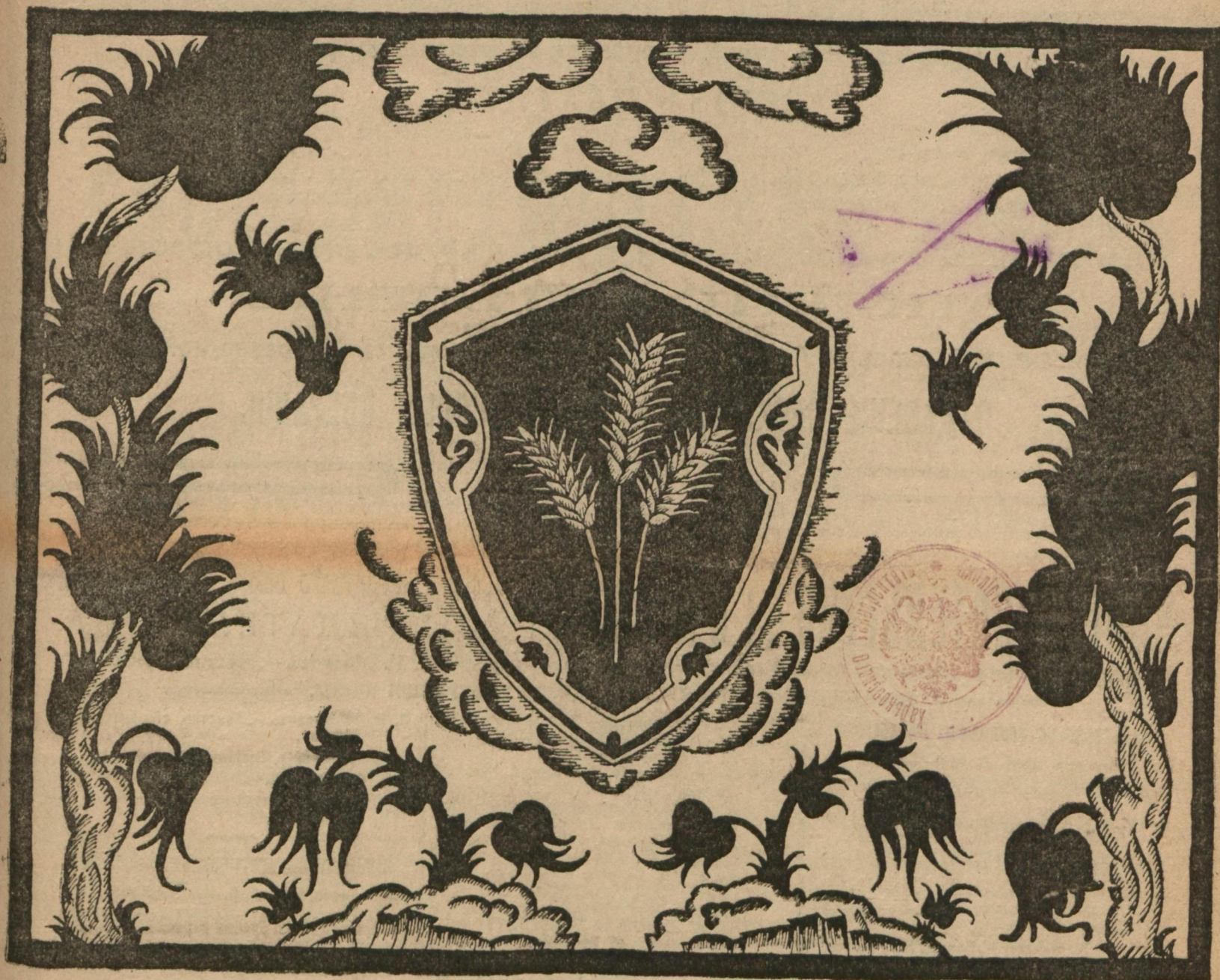

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДПЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Б 1918

СОДЕРЖАНІЕ:

Тебѣ, Франція! — В. Р. Замѣтки о пролетарскомъ искусствѣ — Валентинъ Ро-
жицынъ. Воспоминанія — Феликсъ Конъ. Поэма духа и революціи — Николай
Станковъ. † Н. Р. Саввинъ — Е. Л. Искусство въ Харьковѣ — докладъ Н. Р. Са-
вина. Стихи — Е. Новская, Шлейманъ, Г. Шенгели. О книгахъ. Рисунки, заставки,
концовки и виньетки.

№ 9.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	{ }	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія	5 ⁰ / ₀		„ 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5 ⁰ / ₀		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предоставленія публикѣ удобствъ Союзомъ

ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦИИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ“ ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ. ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛѢЯ.

Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографичний побутъ Слободської України“.

Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.

А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на території Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.

Айзеншток—„Українське відродженне у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.

Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.

Проф. Д. И. Багалій—„Заселенне південної України (Новоросійського края).“

Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.

О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.

Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго Университета“.

Е. М. Изановъ—„Е. С. Гордѣнко“.

М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовський, Квітка і інші“.

Естественно-историческая бібліотека

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

„Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы-друзья человека“—Г. А. Брызгалова.

„Ископаемая богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Федоровскаго.

„Природа и населеніе Слободской Украины (Харьков. губ.)“, пособие по родиновѣдѣнію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. С. Федоровскій,

Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимаютъ участіе

проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскихъ и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая бібліотека

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.

Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.

П. И. Лященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.

А. С. Векслерчикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.

А. Н. Анцыферовъ—„Історія кредитной операціи въ Россіи“.

И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажныя деньги“.

Л. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая бібліотека

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.

Орфографическій и русско-украинск. словари. Учебники для высшей и низшей украинскихъ школъ.

Украинскіе классики. Русскіе классики.

Драматическая литература оригинальная и переводная.

Литература о народныхъ домахъ, просвѣтительныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная бібліотека

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

Книги по экономіи, организаціи, техникахъ сельскаго хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календари.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. ооо Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

„КОЛОСЬЯ“

издаваемый при участіи Союза Интернационалистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Пріемъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 11 до 12 час. дня.

Редакторы: Ф. Конь и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна пая 100 руб.

ВОЗОБНОВЛЕНА ПОДПИСКА

Цѣна пая 100 руб.

НА ПАИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

„СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

Профессіональные союзы и рабочія организаціи могутъ пріобрѣтать паи въ издательствѣ и конторѣ газеты „Нашъ Югъ“. Частныя лица подаютъ предварительно заявленіе на разсмотрѣніе правленія.

ИЗДАНІЯ „СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ“:

1) Ежедневная большая политическая газета „НАШЪ ЮГЪ“.	3) Еженедѣльный журналъ Харьковскаго Совѣта Профессіон. Союзовъ.
2) Еженедѣльный иллюстрированный художественно-литературный журналъ „КОЛОСЬЯ“.	4) Двухнедѣльный научно-публистич. журналъ Обл. Ком. Дон. и Криворожск. Бассейн. и Харьк. Комит. Р. С.-Д. Р. П. (объединенной). „ПУТЬ БОРЬБЫ“.

Цѣна пая 100 руб. Допускается разсрочка по 25 р. платежа.

Вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія.

8-ми кл. МУЖСКАЯ и 8-ми кл. ЖЕНСКАЯ

ГИМНАЗІЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

(ВЕЧЕРНІЕ КУРСЫ)

съ подготовительными классами для малограмотныхъ и отстающихъ

Т-ва ПРОФЕССОРОВЪ и ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

(высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній).

Руководители отдѣловъ: проф. Ново-Алек. И-та о. І. ФИЛЕВСКИЙ—(богосл. науки), препод. Технол. И-та К. И. ЛУКЪЯНЧЕНКО—(физика), б. препод. Лазаревского И-та Л. І. ЗАЛЪССКИЙ—(математика), ассист. Харьк. Ун-та В. П. АНИСИМОВЪ—(исторія), ассист. Харьк. Ун-та В. Н. ИЗРАИЛЬСКИЙ—(естеств. науки), проф. ст. Г. Ф. ЗАЙЦЕВСКИЙ—(словесность), профес. ст. Р. Р. ВИТТЕ—(новые языки), профес. ст. Е. Ф. МАКСИМОВИЧЪ—(древніе языки).

Слушатели экзаменуются при своихъ гимназіяхъ и по выдержаніи экзаменовъ пользуются ВСѢМИ ПРАВЯМИ КАЗЕННЫХЪ ГИМНАЗІЙ.

Возобновленъ пріемъ во всѣ классы мужской и женской гимназій на лѣтній семестръ—экзамены въ августъ.

Справка и пріемъ прошеній ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5—8 ч. веч. въ зданіи гимн. В. К. ЛЕВКОВЕЦЪ, Ярославская ул., № 18 (уг. Екаторинославской).

Тебѣ, Франція!..

О Франція! Днемъ и ночью стальные мертвые гиганты бросаютъ молніи убійства и пожара въ твоё изнемогающее сердце.

Старое сердце тысячелѣтнихъ поколѣній. Парижъ — зарница красоты надъ старымъ міромъ. Теперь подъ выстрѣлами отдаленныхъ орудій онъ сталъ крематоріемъ, въ которомъ испепеляются памятники человѣческаго величія. Сумрачный мятежъ медленно багровѣетъ въ рабочихъ кварталахъ, сжигаемыхъ стремительными взрывами.

Но древняя колокольня, съ которой несли вѣками красныя набаты черезъ весь міръ, уже разрушена. Сердце другой, далекой восточной страны бросаетъ сигналы возстанія, крикъ негодованія и озлобленія. Востокъ зардѣлся разсвѣтнымъ пожаромъ. И Франція изнеможенная, умирающая, гаснетъ въ сумеркахъ войны подъ зоркимъ пламеннымъ взоромъ, слѣдящимъ за ея агоніей, вонзающимъ новые мечи въ окровавленное сердце.

Обагрённые воды Марны и Сены, какъ нѣкогда, какъ было въ дни рожденія Европы, струятся черезъ выжженные поля, черезъ обломки городовъ, мимо толпъ обезумѣвшихъ бѣглецовъ. Опять, какъ нѣкогда, мрачные сѣверные люди зажигаютъ погребальныя костры въ долинахъ прекрасной Франціи.

Франки и норманны, желѣзные отряды Оттона III, суровые бранденбургскіе гренадеры вновь и вновь пылающимъ вихремъ опрокидываются на галльскія поселенія.

Неужели въ послѣдній разъ? Неужели въ паденіи прекрасныхъ зданій, въ пыли и грохотѣ разрывающихся снарядовъ, въ крови пролетаріата, обреченнаго быть жертвой искупительной международныхъ преступленій, кончается Франція свой великолѣпный историческій путь?

Отъ дней Святой Женевиѣвы и до тѣхъ ночей, когда стальные дьяволы взнесли надъ Парижемъ огненный полетъ смертоносныхъ ударовъ, отъ дней норманнскихъ набѣговъ и до того послѣдняго мгновенія, когда кольцо окоповъ замкнется, стиснетъ горло Франціи, — проходитъ длительный путь, волнуемая повѣсть героизма и преступленій, взлетовъ и паденій, деспотизма и возстаній, творчества и безумія.

И теперь конецъ... Безсильной злобой клопочетъ пролетаріатъ, оставленный въ жертву стальнымъ когтямъ далекихъ орудій въ то время, когда трусливый тигръ Клемансо наполняетъ живыми людьми тюрьмы, стоящія среди площадей, наполненныхъ трупами. Франція, родина міровой мысли, родина рыцарей и буржуа, поэтовъ и финансистовъ, умираетъ въ огняхъ и багровыхъ дымахъ.

Франція — родина революцій. Ночью горѣли сигналы мятежа на галльскихъ холмахъ, когда римскій легіонеръ впервые вступилъ въ еще невѣдомый міръ Сѣверной Европы, оскорбилъ свой властью свободный народъ, и на призывъ Верцингеторикса сходились отряды, чтобы дать безнадежную битву желѣзному Риму.

И черезъ тысячелѣтіе, когда дремотный рабскій сонъ душилъ Европу въ объятіяхъ феодально-католической церкви и міровой императорской власти, на башняхъ французскихъ городовъ гремѣлъ набатъ коммуны, и Марна уносила въ своихъ потокахъ тѣла рыцарей и монаховъ. Современная демократія родилась въ стѣнахъ средневековаго французскаго коммунальнаго города.

И новый привѣтъ свободѣ звучалъ въ разсвѣтныя часы реформации, когда въ гражданскихъ войнахъ гугенотскіе отряды бились съ католическими дворянами. Готоманъ и Юній Брутъ, первые революціонеры новой Европы, во Франціи писали пламенные памфлеты противъ деспотіи, и отъ нихъ зажглась заря Великой революціи.

Ликующая революціонная Франція до Нѣмана пронесла трехцвѣтное знамя и бросила зовы Марсельезы ко всѣмъ народамъ. Три раза въ послѣдній вѣкъ Парижъ, пересѣченный баррикадами, покрытый красными цвѣтами знамени, въ уличныхъ битвахъ для всего человѣчества завоевывалъ таинственную мечту коммунизма. И въ третій разъ

республиканская демократія изнемогаетъ въ предсмертной агоніи подъ ударами имперіи.

И эта Франція, родина демократіи и социализма, умираетъ. Задыхаясь въ волнахъ голубыхъ газовъ, падая въ визгѣ шрапнелей и пуль, на пути, озаренномъ пожарами и обагрённомъ кровью, отходитъ армія къ стѣнамъ разрушаемаго Парижа, въ который, черезъ ея голову, летятъ свирѣпыя снаряды. Армія пролетаріевъ, лишенная родины и права жизни, обреченная на смерть, идетъ по своему послѣднему могильному пути.

И тамъ, подъ гнетомъ военной диктатуры министровъ, бросившихъ Францію въ войну, во имя акцій и дивидендовъ, такъ же яростно отзывается проклятіе буржуазной родины, буржуазной Франціи.

Мечъ завоевателей и жезлъ буржуазной власти скрестились надъ изнемогающей народной Франціей и въ послѣдній разъ сдѣлали ея цвѣтущія поля, ея прекрасныя города великими кладбищами распятаго народа.

Тебѣ, Франція, — привѣтъ и проклятіе! Родина биржевыхъ шакаловъ и министровъ тигровъ и, вмѣстѣ, — родина

Парижъ бомбардируютъ.

мечтателей и героев. Франція погибаетъ, но не умретъ единственный наслѣдникъ ея мірового величія, не умретъ Французскій пролетаріатъ. Онъ воскреснетъ на новой родинѣ, и эта родина — рабочій Интернаціональ.

Знамя старыхъ французскихъ баррикадъ станетъ надъ всѣмъ міромъ и загорится даже тамъ, даже въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ выковываются изъ крови народовъ суровыя мечты о міровой власти. Мы, взявшіе знамя, о пролетарская Франція, изъ твоихъ слабѣющихъ рукъ, увидимъ тебя вновь на нашей новой, на нашей общей Родинѣ.

Тебѣ, Франція!.. Костеръ негаснущій соціальной мечты! Ударъ пролетарскаго топора ляжетъ на корни вѣкового дерева власти, и оно, покрывшее своими вѣтвями всѣ народы, закрывшее солнечный свѣтъ, тяжело обрушится, освобождая путь въ новый міръ дерзкимъ піонерамъ. Какъ древніе боги изъ мірового ясеня сложили костеръ, и въ немъ сгорѣла царственная Валгалла, такъ сгоритъ старый міръ.

Пусть пылаетъ Франція, пусть горитъ Европа: въ ея огнѣ закалится и окрѣпнетъ ярость нашей мести за тебя, пролетарская Франція.

I.

Послѣдній ударъ.

II.

„Intérieur“.

Оттого, что нарисованъ вечеръ бархатной пастелью,
И весенній мѣсяцъ бросилъ блѣдный лотосъ надъ
постелью—

Самъ же хмуро бродитъ въ тучахъ—тощій, нищій и
хромои,

По лохмотьямъ укрываясь золоченой бахромой;

Оттого, что слышу сердцемъ—вольный, свѣтлый и
весенній—

Неустанность вздоховъ, смѣховъ, слезъ, восторговъ
и біеній,—

Ликъ же ночи тихъ и грустенъ—молчаливый нелю-
димъ,—

И съ моимъ инымъ закономъ мы на помощь не ле-
тимъ;

Оттого, что звѣздамъ вѣчно новы дали ихъ орбитъ,
А въ душѣ во всѣ мгновенья слово плѣнное скорбитъ;

Оттого, что одноцвѣтность въ быстромъ бѣгѣ яркихъ
утрѣ,

Оттого, что слѣпъ я вѣрой и въ сомнѣньяхъ только
мудръ,—

Я люблю тебя, мой Камень. Падшій свѣтъ. Ты мудро
сѣрь:—

Серебрить застывшій пепелъ тусклый черепъ—чашу
вѣрь.

Ахъ море! Красоты невинной
И въ неприступныхъ скалахъ нѣтъ.
Твоихъ мгновений властелины—
То кисть, то струны, то сонетъ...

Вѣдь я пришелъ къ тебѣ усталымъ,
Искать цѣленіе и миръ,
Ловить подъ новымъ покрываломъ
Мятежъ и нѣжность древнихъ лиръ,

А ты, серебряной повязкой
Обвивъ лазурные шелка,
Опять охотишься за лаской
Полуживого бѣдняка!

Безсиленъ щитъ моей болѣзни
Передъ соблазнами морей—
И въ даръ тебѣ, для новой пѣсни
Ищу звенящихъ янтарей.

Но пѣсни нѣтъ, тебя достойной.
И, очарованный волной,
Шепну мелодіей нестройной,
Что я теперь не весь земной,

Что этотъ шелкъ шумитъ упруго
По стану лучшей изъ богинь,
Что я не знаю больше друга—
Но ты во вѣки не отринь.—

Что въ неразумномъ договорѣ
Стихій о пыткахъ бытія
Грознѣй громовъ сердилось море,
Свинецъ лазурью разслая...

Е. Новская.

Изъ цикла „Городъ“.

Проститутка.

Кровавымъ глазомъ станетъ ало
Фонарь вечерняго кафе.
Больнѣй и ярче запылало
Обычное ауто-да-фе.

А новый день сурово сдавить
Стальнымъ объятѣмъ тяжкихъ узъ,
Покуда ночь не продырявитъ
Свой плащъ игрой дешевыхъ бусъ.

Всю ночь подъ визгъ автомобилей,
До чахлой утренней зари,
Она межъ блеклыхъ розъ и лилій
Колышетъ бросское эспри.

Тогда опять въ хмелю разгуля,
Вонзая новый шипъ вѣнца,
Въ извивахъ каменнаго улья
Зоветь голоднаго самца.

Поетъ бравурно, свищетъ бодро
И лаской жалкаго лица,
Качая выпуклыя бедра,
Зоветь голоднаго самца.

И только тамъ, въ душевной глуби,
Подъ спудомъ дразгъ и суеты,
Свить темный ужасъ въ жуткомъ клубѣ
И плачь оплеванной мечты.

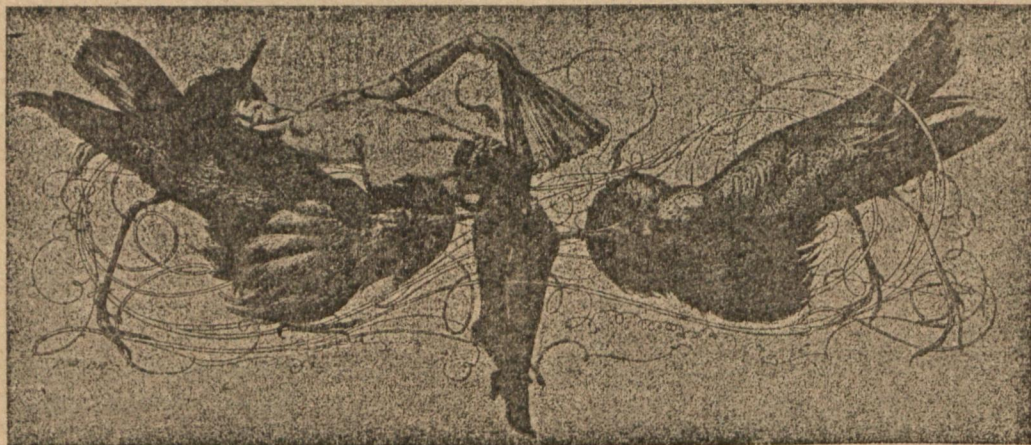
Русалка скучной плоской суши...
Неодинаковы ей тѣ ль,
Кого любовное удушье
Съ ней рядомъ бросить на постель?!

Какъ безнадежно ей въ просторахъ,
Себя замкнувшихъ въ этажи,
О беспощадный, жадный ворогъ,
О Городъ, царь моей души!

Съ привычной скукой сладострастья,
Въ безсильи тусклаго грѣха,
Отмѣрить проданное счастье
Ночнымъ желаньямъ жениха.

1917 г.

П. Шлейманъ.

Соперники.

Родихзоховъ склепъ.

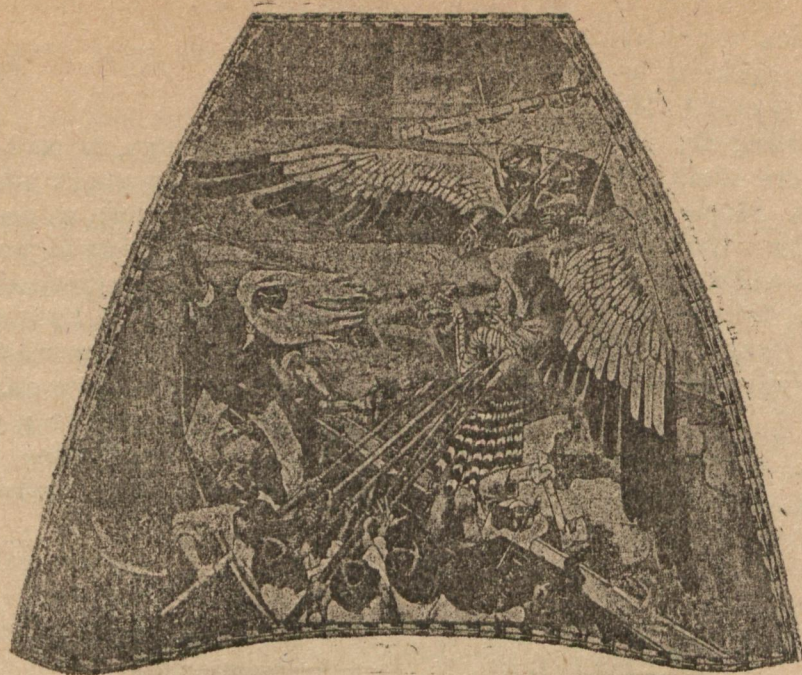
Пескомъ серебрянымъ и пылью слюдяной
сухой сверкаетъ гротъ, закатомъ осіянный.
Сквозь плющъ нависнувшій и занавѣсъ лианный
вплываетъ медленный вечеровой прибой.

Бюро тяжелое съ топорною рѣзбой,
и человекъ за нимъ — угрюмый и туманный —
въ камзолѣ шерстяномъ временъ британской Анны
сжимаетъ библию мозолистой рукой.

Три вѣка залегло отъ смерти Робинзона
до пламеней, что жгутъ вспоившее ихъ лоно,
что выютъ багряный вихрь на стогнахъ у дворцовъ,
но неистлѣвшій прахъ священника скитаній
все льетъ свой вкрадчивый неуловимый зовъ, —
зовъ къ берегамъ чудесъ, въ страну очарованій.

Георгій Шенгели.

Морской кошмаръ.

Замѣтки о проетарской искусствѣ.

I.

Чтобы понять искусство, въ немъ надо различить три творческія стихіи: технику, стиль и міросозерцаніе.

Искусства, въ собственномъ смыслѣ слова, какъ чистаго наслажденія свободнымъ эстетическимъ замысломъ, никогда не существовало. Были техническіе приемы, направленные къ удовлетворенію разныхъ общественныхъ и индивидуальныхъ потребностей. Художники создавали свои произведенія не для красоты, а для религіи, для политики, для домашняго обихода. Даже любовная лирика была и остается пережиткомъ магическихъ волшебныхъ формулъ привлеченія одного сердца къ другому. Греческій или византійскій художникъ сочли бы крайнимъ кощунствомъ наше чисто эстетическое любованіе ихъ произведеніями: они творили не красоту, а религіозные символы, и ихъ произведенія были красивыми, если достигали высшей степени напряженности религіознаго чувства.

Лишь очень поздно понятіе искусства отдѣлилось отъ своей чисто матеріальной основы и возникла технология отвлеченнаго чистаго искусства. И до сихъ поръ творческія способности художника всецѣло опредѣляются техническими средствами, какія имѣются въ его распоряженіи. Матеріалы, инструменты и умѣніе обращаться съ ними развиваются чрезвычайно медленно. Они кладутъ твердые предѣлы творческимъ способностямъ, ограничиваютъ ихъ собой, устанавливаютъ типъ и характеръ творчества.

Созданіе египетскаго храма или современнаго общественнаго зданія становится понятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы установимъ, какіе матеріалы имѣлъ въ своемъ распоряженіи архитекторъ, какимъ инструментомъ онъ пригонялъ одинъ къ другому каменные блоки или массы бетона и желѣза, какія свѣдѣнія о техникахъ строительства онъ имѣлъ. Точно такъ же поэтъ является прежде всего ремесленникомъ стиха, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи матеріаль словъ, форму стиха и умѣніе пользоваться ими

для образнаго описанія. Обаяніе греческаго эпоса и его своеобразие объясняются, на примѣръ, простѣйшими техническими явленіями: изображеніемъ въ Иліадѣ только дѣйствій, а не психологіи героевъ, отсутствіемъ перспективы во времени, вынуждающей превращать одновременныя событія въ послѣдовательныя, техникой эпическихъ повтореній, ограниченностью и тяжестью грамматическаго и лексическаго матеріала. Современный поэтъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи совсѣмъ иной по своей сложности языкъ, другія формы стиха, иные навыки въ созданіи психологическаго эффекта.

II.

Стиль искусства—почти неуловимая, почти неопредѣлимая стихія. Стиль это условное понятіе о дѣйствительности, принудительно навязанное извнѣ, всецѣло владѣющее мастеромъ, кладущее на него рѣзкую печать принадлежности къ данному времени, данному народу, данной культурѣ. Стиль это совокупность особенностей въ произведеніяхъ искусства, вызванныхъ качествами техники и необходимостью приспособляться къ своимъ инструментамъ и матеріаламъ, во послѣдствіи, при переходѣ къ новому матеріалу и новымъ техническимъ приемамъ, оставшихся, какъ безцѣльное украшеніе.

Въ Иліадѣ эпическое сравненіе было создано техникой эпоса: онъ изображалъ героевъ въ дѣйствіи и окружающую ихъ бытовую обстановку въ сравненіи. Художники Одиссеи умѣли рисовать героевъ на фонѣ природы и быта: поэтому сравненіе осталось простымъ стилистическимъ приемомъ. Въ раннемъ греческомъ зданіи колонны поддерживали крышу, чтобы непогода не вредила глинобитной стѣны. Въ мраморномъ храмѣ колонна не выполняла непосредственной практической задачи, но осталась показателемъ его стиля. Масса техническихъ пережитковъ, художественно обработанныхъ, образуетъ собой стиль даннаго времени.

Художникъ ничего не выдумываетъ: онъ все беретъ готовымъ, подвергая дальнѣйшей разработкѣ. Онъ прикованъ къ стилю своего времени и безсиленъ отъ него освободиться. Наша эстетическая жизнь переполнена условностями стиля, которыя почти незамѣтны и совершенно непреодолимы. Мы все неоригинальны. Мы повторяемъ полубезсознательно привычныя созвучія, мысли, испытываемъ наслаждение отъ привычныхъ линий и красокъ, чувствуемъ невольное отвращеніе къ непривычному. Предвосхитить стиль будущаго невозможно. Повторять стиль прошлаго значитъ обрекать себя на бездарность повторенія или холодность стилизаціи прошлаго. Футуризмъ въ поэзіи — наивная попытка уловить стиль будущаго, хотя онъ еще не возникъ. Классицизмъ — бездарное стремленіе повторять заученные образцы.

Господствующимъ стилемъ, однороднымъ во всѣхъ проявленіяхъ культурной жизни, опредѣляется весь чело-вѣческій кругозоръ, за предѣлы котораго никто не въ состояніи выйти, или выходить, но лишь для того, чтобы стать безплоднымъ, бездарнымъ и просто непонятнымъ.

III.

Наконецъ, послѣдняя стихія художественнаго творчества — міросозерцаніе.

Стиль и техника — общезначительны въ искусствѣ и жизни для всѣхъ людей безъ исключенія. Они образуютъ то внѣклассовое и общечеловѣческое, что есть въ красотѣ. Но искусство невозможно безъ міросозерцанія, а строй чувствъ и мыслей, символически выражаемыхъ произведеніями искусства, заключаетъ въ себѣ нѣчто не всечеловѣческое и не индивидуальное, но групповое, классовое.

За послѣдніе годы французской монархіи, за время наполеоновской имперіи французское искусство развивало одинъ и тотъ же стиль, основанный на той же самой technikѣ, но въ міросозерцаніи происходили крайне рѣзкіе переломы. Поэтому такъ разнятся между собой произведенія искусства трехъ эпохъ: они отражали въ себѣ мысли и настроенія совершенно разныхъ людей...

Стиль и техника современнаго искусства универсальны, обязательны для всякаго художника, съ какими бы цѣлями онъ ни подходилъ къ творчеству. Но художникъ буржуазный или пролетарскій различаются между собой по міросозерцанію.

Великіе переломы въ искусствѣ происходятъ тогда, когда выдвигается новый общественный классъ, вноситъ въ красоту свое бессознательное или сознательное понятіе о мірѣ, о любви, о религіи.

Искусство создается не безцѣльно, а на социальнаго заказчика, который своими требованіями предопредѣляетъ художественное содержаніе искусства. Совершенно разныя вещи, если заказчикомъ является король и его дворъ, без-

личный покупатель на художественномъ буржуазномъ рынкѣ или коллективный сознательный заказчикъ, какъ въ греческой демократіи или въ средневѣковой коммуnѣ.

IV.

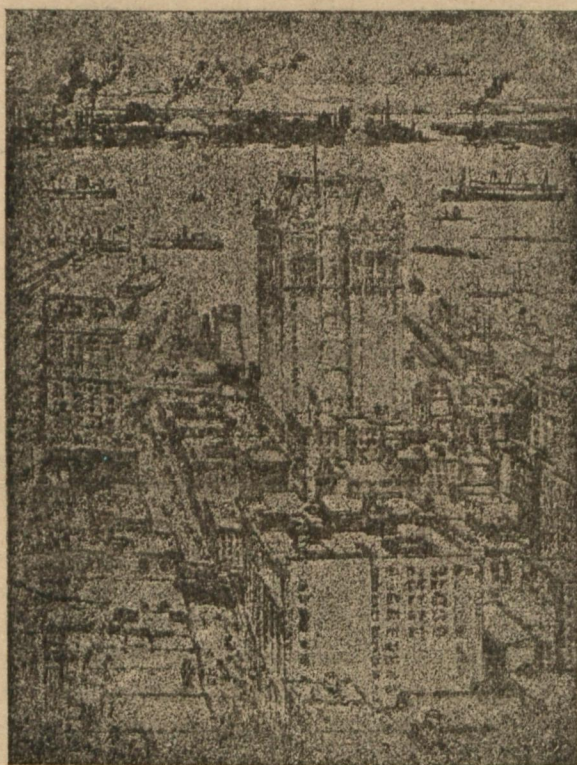
Если заказчикъ, то есть, тотъ, кто владѣетъ правомъ собственности въ данномъ обществѣ, близокъ по міросозерцанію къ художникамъ, то искусство развивается правильно, органически. При смѣнѣ господства классовъ возникаетъ противорѣчіе вкуса художниковъ и заказчиковъ. Аристократическіе лирики въ Греціи въ началѣ пятаго вѣка не хотѣли творить для демократіи, и поэтому были осуждены на бесплодную и роковую для нихъ борьбу съ новымъ направленіемъ въ искусствѣ и жизни.

Такое же значительное, но иное по содержанію противорѣчіе переживаетъ современное искусство.

Буржуазный заказчикъ требуетъ искусства, котораго уже не можетъ и не хочетъ дать ему художникъ. Пропастъ между „художникомъ“ и „публикой“, между мастеромъ-творцомъ и потребителемъ эстетики, страшно разрослась. Буржуазная толпа уже давно не въ состояніи понимать произведеній новаго искусства.

И это прежде всего объясняется тѣмъ, что въ современномъ обществѣ пролетарій становится художникомъ, а художникъ — пролетаріемъ.

Россія — дикая и мрачная страна, обладающая большимъ и медленно развивающимся искусствомъ потому, что рабочій пролетаріатъ въ ней не поднялся на достаточно высокую степень культурнаго развитія, чтобы выполнять техническіе замыслы художества съ такой легкостью и изяществомъ, какъ французскій рабочій. Своимъ искусствомъ Франція обязана пролетариату. Самое наивное заблужденіе

Городъ.

воображать, будто рабочій — покорный инструментъ въ рукахъ того, кто даетъ ему для выполненія свои заданія.

Но этого мало. Художникъ тоже сталъ уже давно пролетаріемъ, поневолѣ продающимъ свой мозгъ и замыслы, какъ пролетарій продаетъ рабочую силу. Немногіе художники въ состояніи подняться въ ряды господствующихъ классовъ и усвоить ихъ міросозерцаніе, приспособляясь къ ихъ вкусамъ. Большинство остается на социальныхъ низахъ, образуя самый голодный, нищенствующій и анархически настроенный слой пролетариата. Буржуазное общество не въ состояніи поддерживать художниковъ на уровнѣ ихъ достоинства. Оно принижаетъ ихъ, навязываетъ имъ насильственно свое міросозерцаніе.

V.

На основѣ единого стиля и единой техники въ искусствѣ современности ведутъ борьбу два міросозерцанія, пролетарское и буржуазное. Тотъ, кто подчеркиваетъ преимущественное значеніе техники и стиля, старается доказать,

что искусство стоит вне классов, что оно универсально, едино, всечеловечно. Тот, кто настаивает на мирозерцании, выдвигает на первый план классовые особенности искусства, говорит об искусстве буржуазном и пролетарском.

Въ техникѣ и стилѣ тоже происходятъ постепенныя, но отчетливыя перемѣны. Могущественная техника капитализма предопредѣляетъ собой произведенія искусства, которыя создаются рабочими по замысламъ такихъ же пролетаріевъ-художниковъ. И это имѣетъ значеніе не только для зданій, художественной промышленности, искусства предметнаго, вообще для художественной „археологіи“ современности...

Въ эпоху войнъ и революцій и концентраціи культурной жизни въ городахъ поэзія переживаетъ не менѣе тяжелый и сложный кризисъ, отражаетъ въ себѣ общій стиль и раскалывается на теченія борьбой враждебныхъ мирозерцаній.

Техника и стиль современности все отчетливѣй становятся пролетарскими въ томъ смыслѣ, что культуру создаетъ рабочий, и она все больше приспособляется къ этому самому многочисленному и самому дѣятельному классу общества. На долю буржуазіи остаются два блага: увѣренность въ правѣ собственности на искусство, какъ на все общественное богатство, и борьба за свое мирозерцаніе въ художественныхъ произведеніяхъ.

Она требуетъ отъ искусства спокойствія, извѣстнаго рода соціальной сентиментальности, реализма, вплоть до подражанія дѣйствительности, мягкой успокаивающей религиозности, причудливо вырождающейся въ мистику, гражданскаго сожалѣнія о бѣдствіяхъ низшихъ классовъ, бланковского идеализма, странно сочетающагося съ эротической развращенностью семейной, брачной жизни, или проблемы „свободной“ любви, ухода отъ дѣйствительности или вѣрнѣе въ тѣ ея сферы, куда не доходитъ кровавая бурная симфо-

нія общественныхъ переворотовъ, требуетъ пѣжащей лирики личныхъ переживаній, миниатюрной изысканности и ласковаго уюта. Несмотря на всѣ внутреннія противорѣчія, въ своемъ цѣломъ это такое художественное мирозерцаніе, которое покоится на неподвижности, на соціальномъ покоѣ и граціозной уравновѣшенности всѣхъ душевныхъ движеній.

VI.

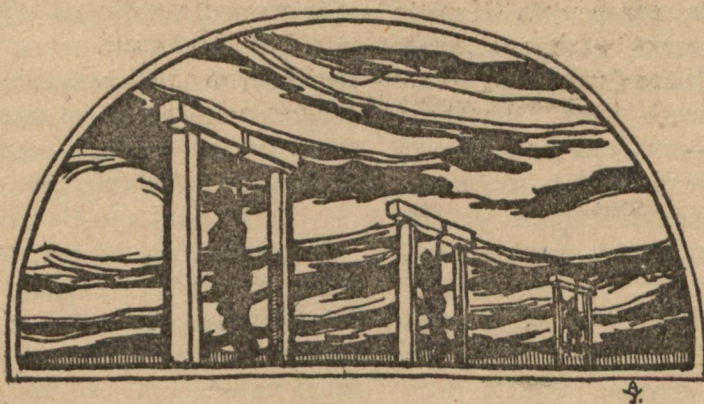
Совершенно иное пролетарское мирозерцаніе въ искусствѣ. Рабочій классъ, освобожденный для соціального дѣйствія революціей, можетъ совершить много кровавыхъ грѣховъ и преступленій. Онъ можетъ, какъ въ Россіи, идти черезъ трупы и развалины въ свѣтѣ пожаровъ и трескъ пулеметовъ, увлекаемый бредовой лихорадкой большевизма.

Но, съ эстетической точки зрѣнія, въ этомъ проявляется высшая цѣнность — отрицаніе вялой косности, холоднаго покоя, размѣреннаго порядка буржуазнаго строя. Жизнь и безуміе смѣшиваются въ ослѣпительное цѣлое, современность распадается, насильственно ломается, и надъ нею возносится торжественное ликование грядущаго мірового дня. Соціальный романтизмъ революцій, отраженный въ искусствѣ, кладетъ на него печать жадныхъ исканій, внутреннихъ душевныхъ катастрофъ. •

Новое искусство далеко не соответствуетъ канону буржуазной гармонической уравновѣшенности. Оно, въ своемъ цѣломъ, переживаетъ только эстетическое отвращеніе къ буржуазному строю, какъ къ самому мѣщанскому и враждебному свободѣ творчества. Но его нельзя считать связаннымъ съ пролетарскимъ искусствомъ: еще нельзя!..

Оно стоитъ въ преддверіи социализма, проникнутое анархизмомъ. Современный художникъ — прежде всего — анархистъ. Дерзкій, порывистый, съ необъятными стремленіями, болѣзненно страстный, надменный въ своемъ нищенскомъ величіи умственного пролетарія.

Валентинъ Рожницынъ.

Воспоминанія.

X.

Работа туго подвигалась впередъ... Днемъ мы работали, а по ночамъ втроемъ — Куницкій, Славинскій и я, изображая ночныхъ кутилъ, подходили къ зданію камеры товарища прокурора, ощупывали ржавую рѣшетку въ окнахъ подполья, выходящихъ на улицу, щупали, можно ли будетъ туда проникнуть... Дѣло оказалось легче, чѣмъ мы думали. Изъѣденная ржавчиной рѣшетка отъ нажима поддалась и треснула. Отогнуть шесть не представляло ни малѣйшаго

затрудненія, и я, недолго думая, проникъ туда, въ подполье. Осмотрѣвъ его внимательно, я выбрался обратно... Куницкій и Славинскій, притворяясь подвыпившими, закрывали окно отъ взоровъ случайныхъ прохожихъ.

Первый успѣхъ насъ пріободрилъ. Мы налегли на работу по изготовленію планкластита и вскорѣ назначили день для испытанія приготовленнаго взрывчатого вещества...

Въ Варшавѣ до оккупации ея во время этой войны на одной изъ площадей гордо возвышался памятникъ въ честь

„поляковъ, падшихъ за вѣрность своему (!) монарху“ — памятникъ семи измѣнникамъ родины... Этотъ памятникъ — одно изъ яркихъ явленій глумленія царизма надъ Польшей, предметъ ненависти всѣхъ въ Варшавѣ — я и предлагалъ сдѣлать объектомъ при испытаніи панкластита. Мой проектъ въ первый моментъ вызвалъ всеобщій восторгъ, но... только въ первый моментъ. Гнусный памятникъ взлетѣлъ бы на воздухъ — это вѣрно, но съ этого момента жандармы были бы на чеку, и о взорваніи камеры прокурора нельзя будетъ и думать... Проектъ былъ отвергнутъ. Для испытанія было избрано глухое мѣсто за новой Прагой... Всѣ предосторожности были соблюдены... Ночью по одиночкѣ мы пробирались въ назначенное мѣсто... Конспирація была соблюдена полностью каждымъ изъ насъ, въ томъ числѣ и... Барановскимъ, провокаторомъ, присутствовавшимъ при этихъ опытахъ...

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ всѣ наши планы были обречены на гибель и имѣли значеніе для карьеры Янкуліо и Сѣкеринскаго. Наконецъ-то они добились цѣли... Взрывчатые вещества, организованное покушеніе на ихъ особы... На этомъ именно они рассчитывали выѣхать, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что за эту ихъ систему дѣлать карьеру ихъ собственные агенты платились жизнью...

Одинъ изъ такихъ агентовъ Францъ Гельшеръ родной братъ осужденнаго впоследствии по дѣлу „Пролетаріата“ — Яна Гельшера, былъ убитъ уже въ то время когда доля ответственности за дѣла падала на меня. До этого занятый дѣлами въ своей области, я только *post factum* узнавалъ о случившемся... Извѣстіе о томъ, что Ф. Гельшеръ, членъ Згерскаго Комитета — провокаторъ, и что организація, прослѣдившая его, настаиваетъ на его убійствѣ, произвело на меня, и не только на меня одного потрясающее впечатлѣніе.

— Я предлагаю — заявилъ на собраніи „Конрадъ“ (Яновичъ), чтобы товарищи, выступающіе съ инициативой террористическихъ актовъ, непременно сами же принимали участіе въ нихъ...

Я немедленно присоединился къ его предложенію... Но большинствомъ этотъ принципъ былъ отвергнутъ. Инициаторомъ обыкновенно являлся руководитель всей партійной работы въ данной мѣстности, часто просто физически неспособный на совершеніе террористическаго акта... Заставить его принять участіе въ такомъ актѣ значило бы и разстроить всю работу, и рисковать успѣхомъ предпріятія, и, наконецъ, рисковать безопасностью другихъ, принимающихъ участіе въ этомъ актѣ вмѣстѣ съ такимъ неумѣльнымъ и неподходящимъ сотоварищемъ.

Предложеніе было отвергнуто... Было постановлено лишь до „изданія приговора“ проверять самымъ точнымъ образомъ всѣ уличающія заподозрѣннаго данныя.

Въ случаѣ съ Гельшеромъ докладчикомъ на собраніи былъ Станиславъ Пацановскій... Онъ передалъ со словъ членовъ Згерскаго Комитета, какъ они, заподозрѣвъ Гельшера, слѣдили за нимъ и установили, что онъ въ опредѣленные дни и часы посѣщаетъ жандармское управленіе...

Въ силу принятаго рѣшенія мы этимъ докладомъ Пацановскаго не удовлетворились. Изъ Згержа былъ вызванъ Поплавскій, впоследствии осужденный по дѣлу „Пролетаріата“. Онъ привелъ цѣлую массу новыхъ уличающихъ Гельшера данныхъ, въ частности со словъ родного брата Франца Гельшера — Яна... Фактъ провокаціи былъ установленъ, и участіе Гельшера было рѣшено! 6 июня (н. ст.) 1884 г онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера по приговору партіи. Два дня спустя было во всѣхъ промышленныхъ центрахъ царства Польскаго распространено слѣдующее воззваніе Центральнаго Комитета партіи.

„Съ неимовернымъ отвращеніемъ, ибо мы еще не привыкли такъ, какъ правительство, проливать человѣческую кровь, — мы были вынуждены запачкать свои руки кровью одного изъ бывшихъ нашихъ товарищей — Франца Гельшера — члена Згерской организаціи... Намъ предстояло рѣшиться: или потерять болѣе десяти товарищей, или обезвредить Гельшера... Кто выступаетъ на борьбу съ угнетателями рабочаго класса, тотъ вполне сознаетъ, что ему на каждомъ шагу угрожаетъ цитадель или Сибирь. Если кто не чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться на жизнь и на смерть, пусть устранился отъ дѣла... Лучше, чтобы насъ было меньше, чѣмъ, чтобы между нами были предатели! Пусть же всѣ помнятъ, что всякаго, кто по какимъ бы то ни было побужденіямъ будетъ предавать, изъ страха ли или изъ-за личной корысти, на свободѣ или въ тюрьмѣ, — безусловно ожидаетъ смерть“.

Это воззваніе — продуктъ коллективнаго творчества — самымъ точнымъ образомъ отражало въ себѣ настроеніе и взгляды всѣхъ тогдашнихъ руководителей партіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы всѣ сознавали, что наши удары обрушиваются на „слѣпые мечи“, что направляющая эти „мечи“ „рука“ находится далеко отъ Варшавы, въ Петербургѣ, что война съ режимомъ можетъ вестись только тамъ, въ центрѣ. Это сознаніе постепенно привело къ мысли о необходимости органически связаться съ русскими революціонерами для борьбы съ самодержавіемъ...

Объединиться съ русскими революціонерами... Русскіе не въ состояніи понять значеніе этихъ словъ для польскихъ революціонеровъ... „Объединиться съ москалями“... Шутка ли?

Мы ясно сознавали, какъ это объединеніе будетъ использовано тѣми, кто фактически объединился съ царской Россіей и пользовался ея силами для подавленія рабочаго класса

Мы знали, что передъ темными массами мы будемъ выставлены, какъ измѣнники „польскаго дѣла“ — „sprawy polskiej“; что эта связь съ москалями будетъ использована для того, чтобы отвлечь отъ насъ симпатіи массъ.

Это не были преувеличенныя опасенія... Тридцать лѣтъ спустя заслуженнаго дѣятеля и основателя социаль-демократической партіи въ Галиціи тов. Игнатія Дашинскаго польскіе національ-демократы обвиняли въ томъ, что онъ подкупленъ „пруссаками“ на томъ основаніи, что германская социаль-демократія, по инициативѣ Августа Бебеля, ссудила галиційскую социаль-демократію нѣсколькими тысячами марокъ на избирательную кампанію.

Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu!

Старый, но не старѣющийся пріемъ. Надо сознаться, что и во многихъ изъ насъ старая традиція ненависти къ „москалю“ еще не были изжиты... Мы не только чтити, но обожали отдѣльных русскихъ революціонеровъ, но, когда на очередь дня былъ поставленъ вопросъ объ альянсѣ между „подпольной Польшей“ и „подпольной Россіей“, многіе изъ насъ умомъ понимали необходимость этого альянса, но сердцемъ сжиться съ этой мыслью не могли...

Мы тогда переживали повидимому то самое чувство, какое въ 1905 г. переживалъ пользующійся нынѣ всемірной извѣстностью бригадиръ Іосифъ Пилсудскій...

Когда ему, тогдашнему представителю боевой организаціи Польской Соціалистической Партіи (П. П. С.), мы предложили войти по вопросу о выступленіи съ оружіемъ въ рукахъ въ военную организацію, въ составъ которой входили русскіе солдаты и офицеры, Пилсудскій полуиронически, полуйскренно заявилъ:

— Я всю жизнь жилъ мыслью о необходимости борьбы съ русскими солдатами... Дайте мнѣ привыкнуть къ мысли о томъ, что надо дѣйствовать съ ними рука объ руку, плечо къ плечу...

У многихъ изъ насъ за тридцать лѣтъ до этого историческаго заявленія Пилсудскаго было такое же самое чувство.

Надо было къ мысли о союзѣ съ русскими революціонерами привыкнуть.

Мы боролись съ этимъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ и дѣдовъ, чувствомъ ненависти... Вспоминали декабристовъ—„друзей-москалей“ Мицкевича, вспоминали Герцена, Бакунина, „Землю и Волю“, бывшую въ контактѣ съ „Национальнымъ Правительствомъ, руководившимъ возстаніемъ 1863 года, вспоминали Потебню, разстрѣлянныхъ въ Модлинѣ поручика Сливицкаго съ товарищами, а на ряду съ этимъ воскрешали въ памяти событія послѣдняго

времени, геройское участіе польскихъ революціонеровъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, вспоминали Квятковскаго, организатора взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, Мирскаго, стрѣлявшаго въ генерала Дрентельна, Сенковского, покушавшагося на министра двора Черевина, Гриневицкаго, геройски погибшаго во время убійства Александра II...

Эта мучительная борьба съ самимъ собою, борьба съ культивированнымъ въ насъ въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній націонализмомъ кончилась побѣдой надъ этимъ самымъ ужаснымъ для движенія, по истинѣ, „внутреннимъ“ врагомъ. Заключение союза съ „Народной Волей“ было рѣшено.

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Морть.

Поэма Духа и Революціи.

— 1. —

Солнечный лучъ скользнулъ изъ отдаленнаго Нѣчто и упалъ на человѣка.

Огненной молніей, пѣвшей о Вѣчности, онъ сверкнулъ въ Пространствѣ и медленно-медленно, тихо-тихо впился въ Глазъ человѣка.

Кругомъ была Красота, и птицы, не стѣсненные квадратомъ черныхъ стѣнъ, свободно бросали свой крикъ навстрѣчу Утру. Въ неподвижности коричневыхъ стволовъ и блѣдно-странной томности листвы угадывалось нирванное проникновеніе.

Все трепетало.

Глазъ человѣка и Глазъ солнца смотрѣли другъ въ друга. И Умъ человѣка задрожалъ подъ уколомъ свѣтлагося Глаза, и гигантская мысль, отражая ударъ, вылетѣла навстрѣчу Солнцу.

Опаленная дыханіемъ Солнца, она исчезла въ его пасти, разбила его, и Солнце распалось на четыре обломка.

И четыре солнечныхъ глаза дали мнѣ новыя мысли.

Я былъ одинъ.

Слѣпыя загадки жизни скользили передо мной въ торжественномъ шествіи. Случайности и ошибки лихорадочно торопились, извиваясь отъ жгучихъ прикосновеній.

И я дѣлилъ ихъ на части, и съ дерзостью, влитой въ меня Солнцемъ, проникалъ въ ихъ Сущность.

Я видѣлъ Злобу, Ревность, Мечтательность съ голубыми глазами и Удивленіе съ вѣрошенными волосами.

Я чувствовалъ довольство Невѣжества и муки Всезнанія, улыбку Зла и слезы Истины.

Я чувствовалъ, слышалъ, какъ трепетало, извивалось, рыдало, смѣялось и пѣло гимнъ о Вѣчности и Солнцѣ, все это, въ своемъ гигантскомъ шествіи.

— 2. —

Я видѣлъ иное бытіе, слышалъ и чувствовалъ другіе голоса. И мое сердце затрепетало.

Острые секунды пронзительно закричали, заметались, бросились изъ рядовъ Вѣчности, и я потерялъ сознаніе.

— 3. —

Я открылъ глаза въ новомъ мѣстѣ.

Быть можетъ, поле, быть можетъ, опушка лѣса.

Но это было во снѣ.

На горизонтѣ я увидѣлъ городъ, человѣческій городъ, съ улицами, какъ будто нарисованными, домами и струями черного дыма, замершаго въ воздухѣ.

Но посрединѣ города, немного вправо, люди построили гигантскую башню, прозрачную и воздушную.

Она поднималась въ небо все выше и выше, и линіи ея корпуса, сокращаясь въ правильной перспективѣ, грозили проклятіемъ.

Вѣроятно, она была изъ черного алюминія.

Но она не была неподвижной.

Маятникъ Сатаны, она качалась изъ стороны въ сторону, съ одного края горизонта на другой, не падая, быстро и равномерно.

И вибрируя въ движеніи, она рыдала и слала проклятія, грозила и стремилась раздавить душу человѣка.

На ея вершинѣ былъ Нѣкто. Онъ взбирался вверхъ и внизъ по ея металлическимъ ребрамъ, вмѣстѣ съ нею колебался, дрожалъ и хотѣлъ быть неутомимымъ.

И это былъ Я.

— 4. —

Пыльное узорчатое шоссе связало меня, опушку лѣса и поле съ городомъ.

Вереницы людей, въ бронзовыхъ шлемахъ, странныя колесницы катились мимо меня, по направленію къ Городу.

Облако густой пыли окружало ихъ, и лучи пурпурнаго солнца, проникая со всѣхъ сторонъ одинаково равномерно и упруго, создавали странную иллюзію тишины и покоя.

И снова видѣлъ городъ, нарисованные дома, съ неподвижно-замершимъ въ воздухѣ чернымъ дымомъ, и качавшуюся башню.

Я чувствовалъ холодныя прикосновенія металлическаго тѣла башни и съ опушки лѣса хотѣлъ предупредить самого себя, взбравшагося на башню, о грозившей опасности.

Она качалась все порывистѣе и безпокойнѣе, и все пронзительнѣй и яростнѣй были крики, бросаемые ею въ Небо.

Она грозила Городу, распростертому внизу, за грязь и зловошіе, душившія ее невыносимо, она хотѣла задавить его, рухнувъ на него всею своею тяжестью.

— 5. —

Городъ, слѣпой Городъ, чудовищно-жадный и кощунственно-злой, заткавшій паутиной изгибы человѣческой души, онъ оставался странно-неподвижнымъ.

Старый полуистлѣвшій грибокъ съ прогнившимъ тѣломъ, онъ не хотѣлъ уступить мѣсто быстро качавшейся башнѣ. Почему замершій въ воздухѣ дымъ, странно-неподвижный, не разсыпался и не бросился въ стороны подъ тяжестью падавшей башни?

— Я понимаю, они бы задушили меня съ моею мыслью, стоявшаго на опушкѣ лѣса.

А люди, колесницы и впряженные въ нихъ звѣри съ большими страдальческими глазами продолжали густой непрерывной струей литься по узорчатому шоссе по направленію къ городу.

— 6. —

Я задрожалъ отъ послѣдняго крика, звѣринаго и металлически-густого, рухнувшей башни.

Оскаленный Страхъ схватилъ меня въ свои цѣпкія лапы и сталъ плясать съ моимъ Я въ хаосѣ дикихъ воплей, исторгнутыхъ раздавленнымъ городомъ.

И я проснулся.

Въ моихъ глазахъ была кровь, брызнувшая изъ раздавленныхъ домовъ, гдѣ жили люди.

Вѣдь я видѣлъ, какъ на мѣсто рухнувшей башни тысячи столбовъ дымящейся крови были брошены въ Небо.

Гидравлическіе насосы мести вытолкнули изъ скорлупы людей кровь.

Такъ распалась сердцевина прогнившаго гриба — Города.

— 7. —

Теперь я былъ въ лѣсу.

Солнце и Мракъ распредѣлили мѣста и замерли, довольные своимъ рѣшеніемъ.

И въ соотвѣтствіи съ ихъ примиренностью, выстроились деревья.

Кто это крикнулъ — деревья?

— Это неправда, я не видѣлъ деревьевъ.

Я видѣлъ только изсохшіе стволы.

Зеленныя краски поднялись высоко вверхъ и тамъ, быть можетъ, онѣ и остались. Не знаю. Удивленный увидѣннымъ, я не подымалъ головы.

-- Черные, желтые и пепельные, синіе и оранжевые, а чаще всего красноватые, съ оттѣнкомъ багряности, переплетаясь и извиваясь, какіе-то странные предметы загромождали почву фантастическаго лѣса.

Словно поверженные предки, полуистлѣвшіе отъ времени, вставшаго на смѣну имъ поколѣнія.

Однообразный слабый шумъ пролетающаго высоко вверхъ вѣтра, не смѣвшаго спуститься внизъ, прорѣзывалъ Молчаніе.

Я съ трудомъ пробрался впередъ, въ борьбѣ съ хватавшими меня поверженными привидѣніями.

Порой вдругъ я скользилъ надо всѣмъ, лихорадочно несясь впередъ, и все мѣнялось въ лѣсу, своими очертаніями и сущностью, передъ моими округлившимися глазами.

— 8. —

Мохнатыя коричневыя звѣри, чудовищно-большіе и длинныя, съ сѣрыми хоботами ползли по всѣмъ направленіямъ.

Сухіе чешуйчатые драконы, съ кожей, блестящей сталью, и громадными крыльями рѣяли неподвижно надъ землей, бросаясь безъ звука назадъ и впередъ за добычей.

И какія-то странныя, изумрудно-свѣтящіяся точки оживляли загадочное царство.

И не было смысла, иного какъ, хищнаго, въ этомъ движеніи и неподвижности.

— 9. —

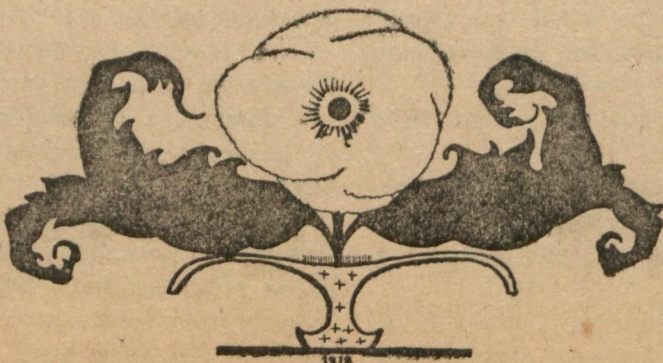
Охваченный тоской и страстнымъ желаніемъ сбросить съ себя гнетущія цѣпи этого холоднаго безсилія жизни, я снова вернулся къ своему первообразу.

Снова увидѣлъ Солнце, лившее на меня лучи, и Солнечный Глазъ, пытливо глядѣвшій въ мою душу.

Снова ощутилъ я въ сердцѣ красоту и услышалъ пѣніе птицъ, свободно бросавшихъ свой крикъ навстрѣчу Утру.

И я вернулся къ жизни.

Николай Станковъ.

Н. Р. Саввинъ.

Умеръ художникъ. Печатью эстетической культуры отмѣчено все, принадлежащее Николаю Родіоновичу, и даже тѣ, кому пути его творчества чужды, не могутъ этого не признать. Печать эта придавала холстамъ художника характеръ, присущій далеко не всѣмъ полотнамъ даже и болѣе талантливыхъ его собратьевъ по кисти: характеръ особой серьезности, являющейся удѣломъ лишь тѣхъ изъ живописцевъ, кто, пройдя хорошую школу, не механически принялъ ея каноны, но проникся ими и въ глубинѣ творческаго сознанія назвалъ ихъ своими.

Къ этому крупному достоинству Н. Р., какъ мастера кисти, слѣдуетъ прибавить еще одно—чутье краски, оберегавшее его кисть отъ красочной детонаціи. Чисто живописный даръ покойнаго служилъ ему, въ этомъ отношеніи, надежнымъ руководителемъ.

Умеръ Н. Р. еще молодымъ—36 лѣтъ; умеръ въ расцвѣтъ своихъ творческихъ силъ, общая въ дальнѣйшемъ еще болѣе углубить свое серьезное дарованіе. Твердый въ проведеніи продуманныхъ имъ живописныхъ задачъ, неуклонно и послѣдовательно ихъ разрѣшавшій, онъ еще давно, своимъ первымъ выступленіемъ въ Москвѣ обратилъ на себя вниманіе. Ему нетрудно было создать себѣ имя въ столицахъ—успѣхъ его перваго выступленія былъ тому залогомъ—но онъ полагалъ, что истинное творчество возможно лишь вдали отъ сутолоки столицъ, гдѣ стремительный темпъ художественной жизни имѣетъ и свою отрицательную сторону: заставляетъ художника, загипнотизированнаго возможностью быстрыхъ и эффектныхъ успѣховъ, въ жертву послѣднимъ поступаться многими изъ принциповъ.

Послѣ поѣздки въ Италію (окончивъ Харьк. Худож. Училище и Моск. Уч. Жив., Ваянія и Зодчества, Н. Р. годъ пробылъ въ Парижѣ), возвратился въ Харьковъ, гдѣ протекаетъ вся его дальнѣйшая дѣятельность. Сразу, по пріѣздѣ, занявъ мѣсто въ первомъ ряду живописцевъ, онъ выставкой 1911 г. студіей живописи (совмѣстно съ Гротомъ и Агафоновымъ) и затѣмъ выставками „Кольца“ и др. открываетъ себѣ дорогу къ популярности среди широкой публики. Но и въ Харьковѣ онъ продолжаетъ сосредоточенно работать: все выходящее изъ его мастерской закончено—ни одна картина не имѣетъ на себѣ слѣда эскизности, той эскизности, которая всегда обусловливается недостаткомъ глубины творческаго сознанія.

Еще одна черта присуща была Н. Р., и это необходимо отмѣтить: въ немъ явственно билась общественная жилка. Онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ Союза Искусствъ, былъ тов. предсѣдателя и до послѣдняго дня жилъ тѣмъ, что толкнуло его къ инициативѣ,—мыслью создать центръ всѣхъ художественныхъ силъ. Еще за недѣлю до смерти онъ прочелъ въ Союзѣ докладъ; его работы еще украшаютъ I-ую выставку Союза.

Умершій художникъ представлялъ собою, какъ живописецъ, вполне опредѣлившуюся творческую индивидуальность; но полную характеристику слѣдуетъ отложить до ретроспективной посмертной выставки его работъ, которая состоится въ началѣ осени: лишь внимательный обзоръ этаповъ его развитія вскроетъ намъ большое художественное значеніе всего оставленнаго умершимъ и отвѣдетъ Н. Р. заслуженное имъ мѣсто въ ряду мастеровъ кисти.

Е. Л.

Искусство въ Харьковѣ.

За недѣлю до смерти, на одномъ изъ субботниковъ Союза Искусствъ Н. Р. Саввинъ сдѣлалъ докладъ на тему „Художественная жизнь Харькова въ послѣднюю четверть вѣка“.

Докладчикъ подробно остановился на воспитаніи. Въ школахъ и гимназіяхъ знакомятъ дѣтей съ литературой и музыкой, но о пластическихъ искусствахъ имъ ничего не говорятъ. Этотъ громадный пробѣлъ давно признанъ художниками, и московскій художникъ И. Рербергъ въ предисловіи къ популярнымъ лекціямъ по искусству говоритъ, что „нигдѣ нѣтъ такого взаимнаго непониманія между публикой и художникомъ, какъ у насъ въ Россіи; нигдѣ нѣтъ такого крайняго равнодушія къ искусству, доходящаго порой до полнаго его отрицанія. Слабое посѣщеніе музеевъ и выставокъ объясняли ихъ неинтересностью даже въ то время, когда центромъ ихъ были произведенія Коровина, Врубеля, Борисова-Мусатова... А объ ужасающей безвкусицѣ, въ которой живетъ русское общество, лучше и не говорить. Одна изъ главныхъ причинъ такой отсталости коренится въ нашемъ воспитаніи“.

Не удивительно, что здѣсь въ Харьковѣ интересъ къ искусству еще болѣе слабъ.

Русское искусство послѣдняго періода развивалось, главнымъ образомъ, подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго импрессионизма и послѣднихъ художниковъ Запада—Сезанна, Гогена, Матисса, Пикассо

и др. Соотвѣтственно этому художниковъ Харькова можно раздѣлить на двѣ категоріи—„Старшую“, связанную съ традиціями академіи и съ идеями передвижничества, и „Младшую“—позднѣйшую. Къ художникамъ „прежняго“ относятся—Д. И. Безперчій, В. И. Великановъ, С. И. Васильковскій, М. М. Уваровъ, М. Р. Пестриковъ и др., къ послѣднимъ—С. В. Досѣкинъ, М. С. Федоровъ, А. М. Любимовъ, А. Кокель, А. Н. Гротъ, Л. О. Тракаль, Е. А. Агафоновъ, Н. Р. Саввинъ, Б. В. Порай-Кошицъ, Э. А. Штейнбергъ, И. Казарновскій, Е. Костенко и др. и наконецъ „молодые художники“: Косаревъ, Калмыковъ, Вобрицкій, Цибистъ и др.

Первая школа рисованія въ Х. была открыта М. Д. Раевской. Въ 1896 г. была передана городу. Программа академическая (главн. обр. гипсъ). Свѣжій духъ преподаванія внесъ въ школу въ концѣ 90-хъ г.г. С. В. Досѣкинъ; затѣмъ М. С. Федоровъ. Съ 1912 г. школа преобразована въ Худ. Уч. и во главѣ сталъ А. М. Любимовъ. Этой весной Отдѣломъ Народн. Образ. Гор. Управы былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи училища. Состоялся рядъ засѣданій по этому вопросу, на которыхъ художники высказались за преобразование училища въ Высш. Худ. Уч. Группой членовъ Союза былъ внесенъ проектъ о постановкѣ художественнаго образованія въ Харьковѣ, встрѣтившій полное сочувствіе.

Въ составленіи Городск. Музея наблюдалась крайняя безсистемность Искусство періода послѣ передвижниковъ представлено крайне слабо (2 холста Ткаченко, Зарубинъ, Федоровъ, Борисовъ-Мусатовъ — незначительный набросокъ — вотъ почти все).

Замѣтна тенденція дать мѣстное краевое искусство, но упущены такіе художники, какъ Е. Агафоновъ (Изъ лучшихъ его работъ, бывшихъ на выставкахъ, назову напр. „Дівчата“ и рядъ украинскихъ этюдовъ, писанныхъ въ Скелькѣ). Въ Харьковѣ при наличіи Худож. Уч. тѣмъ болѣе Музей долженъ пополняться современной живописью. Музей — хрестоматія искусства, музейная комиссія должна пополняться современными художниками.

Одновременно со школой въ Харьк. существуетъ цѣлый рядъ студій — въ первый періодъ Н. Уварова, А. Внѣзжева, Е. Шредера и позднѣе Е. Агафопова, Штейнберга, Саввина и Грота въ 1912 г. и въ 1918 г., гдѣ преподаваніе велось въ духѣ новаго времени и художники работали вмѣстѣ съ учениками.

Съ 1900 г. мѣстные художники объединяются и устраиваютъ выставки подъ названіемъ Кружка Харьк. Художниковъ.

Съ 1911 г. — „Товарищество Харьковскихъ Художниковъ“.

Въ 1909 г. была интересная выставка „Въ мірѣ искусствъ“ съ участіемъ Борисова-Мусатова, Кустодіева, Рериха, Коровина, Добужинскаго и др.

Въ 1911 и 1912 гг. „Кольцо“ — главные участники Е. Агафоновъ, Н. Саввинъ, А. Гротъ, Загоровъ, Э. Штейнбергъ и Федоровъ.

Въ 1916 г. Т-во пополняется новыми членами, выставка въ Худож. Уч. (архит. отд., дѣтск. отд., Петроградцы и Козловъ).

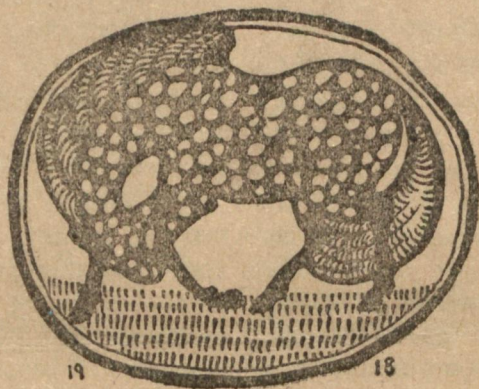
Литературно-Худ. Кружокъ далъ только интересную украинскую выставку.

Т-во Харьк. Художниковъ лишь съ 1916 г. развиваетъ свою дѣятельность (раньше выражавшуюся лишь въ передвижныхъ выставкахъ) — устраивается рядъ лекцій рефератовъ и музыкальных вечеровъ. Въ стремленіи дальнѣйшаго развитія возникаетъ настоятельная потребность и необходимость объединить въ одномъ О-вѣ художниковъ всѣхъ родовъ искусства. Весною прошлаго года возникъ „Союзъ Искусствъ“.

Программа „Союза“ слѣдующая:

Въ истекшемъ первомъ году своего существованія Союзъ стремился, по мѣрѣ силъ и возможности, къ достиженію намѣченныхъ цѣлей. Съ осени онъ объединилъ въ одно цѣлое рядъ мастерскихъ, существовавшихъ ранѣе отдѣльно другъ отъ друга (теперь организція самостоятельная, независимая отъ Союза). Союзъ устроилъ рядъ музыкальных вечеровъ, докладовъ, концертовъ Дроздова, выставку и т. д.

Общій выводъ — художественная жизнь развивается, а послѣднее время замѣтно интенсивно. Союзъ Искусствъ глубоко убѣжденъ, что встрѣтитъ полное сочувствіе и поддержку какъ со стороны общества и государства, такъ и среди мѣстной прессы и общественныхъ дѣятелей, и докладчикъ выражаетъ увѣренность, что художники и Худож. Общества безусловно могутъ объединиться идеей созданія Дома Искусствъ, гдѣ свободно будутъ работать и развиваться народные таланты.

О книгахъ.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ. Собраніе стиховъ. 1883—1916 гг.

Переводы Валерія Брюсова. S. a.

12 лѣтъ тому назадъ В. Брюсовъ, апостолъ Верхарна въ Россіи, выпустилъ книгу переводовъ „Стихи о современности“.

Хмѣльное вино революціи еще бродило тогда въ головахъ поэтовъ, и отраженіемъ стихійнаго влеченія къ народно-пролетарской поэзіи было триумфальное явленіе Верхарна въ кругу русской поэтики.

Верхарнъ сталъ неотъемлемымъ достояніемъ русской эстетической культуры.

Черезъ десятилѣтіе новая буря пролетарскаго возстанія снова вызвала влеченіе къ пролетарскому искусству и къ его совершеннѣйшему выразителю.

Въ дни смерти Верхарна и рожденія русской революціи В. Брюсовъ второй разъ издалъ сборникъ переводовъ, дополнивъ ихъ и придавъ окончательную обработку.

Это изданіе каждый рабочій, каждый социалистъ обязанъ знать и изучить, чтобы цѣнить и любить величественныя произведенія революціонно-пролетарскаго генія. Но и чистый эстетикъ, даже равнодушный къ „политикѣ въ стихахъ“, будетъ радъ, что хотя въ отрывкахъ, хотя въ переводахъ, но Верхарнъ вновь становится доступнымъ русскому читателю во всемъ своемъ жизненномъ объемѣ.

В. Брюсовъ перевелъ стихи бельгійскаго революціонера энтузіаста лучше, чѣмъ могъ бы это сдѣлать всякій иной русскій поэтъ. Но, конечно, въ переводѣ прекрасные творческіе порывы Верхарна цѣпнѣютъ и блѣднѣютъ.

Медленно льющійся золотой потокъ его стиховъ отличается своеобразнымъ противорѣчіемъ замедленности ритма и стремительности изображенія. Подъ размѣреннымъ, спокойнымъ описаніемъ волнуется дикая буря, бьющая черезъ край ритмическихъ сосудовъ поэмъ. Только свободный стихъ обладаетъ достаточно широкими рамками, чтобы ихъ не разбила волна революціоннаго пафоса Верхарна.

Переводъ Брюсова вводитъ шероховатость русскаго языка взаимно мѣрной пѣвучести французскаго и часто безнадежно губитъ очарованіе подлинника. Переводъ поэмы „Золото“ (1910 г.) свидѣтельствуе объ этомъ. Это — не Верхарнъ!..

Изъ книги военныхъ стиховъ Верхарна „Красныя крылья войны“ взято только одно стихотвореніе, и не самое лучшее. Но вообще маленькая книжка изд. „Универс. Библ.“ — неоцѣнимое приобрѣтеніе для насъ, исповѣдниковъ пролетарскаго искусства.

Верхарнъ уже не вызываетъ того бурнаго восторга, съ какимъ мы привѣтствовали его въ годы первой революціи: онъ сталъ классикомъ, отошелъ на разстояніе въ прошлое, но тѣмъ рѣзче выдѣляется его исполинская фигура на фонѣ мірового пожара и возстаній, когда

Люди празднуютъ праздникъ кровавый,
Люди проходятъ и красны, и пьяны,
Люди проходятъ по мертвымъ тѣламъ,
Толпы народовъ проходятъ за толпами слѣдомъ
Сквозъ ужасъ, подъ сѣнью веселыхъ знаменъ,
Къ началу новыхъ временъ,
Къ побѣдамъ...

В. Р.—нб.

АЛЬМАНАХЪ „СТРЕМНИНЫ“, кн. 2. Москва, 1918 г.

Альманахъ „Стремнины“ мало извѣстенъ широкой публикѣ. По всей вѣроятности, это объясняется отсутствіемъ въ альманахѣ такихъ любезныхъ широкой публикѣ именъ, какъ Арцыбашевъ, Леонидъ Андреевъ и др. Центральное мѣсто въ альманахѣ занимаетъ Валерій Брюсовъ. Конечно, что общаго межъ Валеріемъ Брюсовымъ и — „широкой публикой?“...

Первая книга „Стремнинъ“ вызвала среди любителей поэзіи большую сенсацию. Виной сему послужило дерзновенное заданіе Брюсова состязаться съ Пушкинымъ. Сей „поединокъ роковой“ окончился для Брюсова вполне благополучно. Любители пушкинского стиха съ радостью читали „Египетскія ночи“ — поэму, начатую Пушкинымъ, а теперь отдѣланную и законченную Брюсовымъ, — не будучи въ состояніи отличить новую Брюсовскую строку отъ старой Пушкинской. Брюсовъ блестяще выдержалъ экзаменъ на званіе „перваго Пушкиніанца и Пушкиновѣда“.

Вторая книга „Стремнинъ“ сенсациі, пожалуй, не вызоветъ, но любитель стиха съ большимъ вниманіемъ остановится на новой работѣ Валерія Брюсова. Брюсовъ, впервые въ русской поэзіи, выступилъ съ опытомъ „стихотворной симфоніи“. Въ послѣдніе годы многіе изъ пишущихъ стихи задумывались надъ вопросомъ о возвращеніи стиха къ его давнишнему другу и сопутнику — лирѣ. Отдѣленіе стиха отъ музыки и пѣнія нанесло стиху непоправимый ущербъ. Стихъ потерялъ былую гибкость, легкость, изящество. Успѣхи, какими сопровождаются поэзоконцерты Игоря Съверянина, въ большой степени должны быть отнесены за счетъ „напѣванія“, къ которому прибѣгаетъ поэтъ. Дать симфонію въ стихахъ съ музыкальными *allegro, forte, piano* — задача очень заманчивая и интересная.

Симфонія Брюсова ждетъ еще композитора. Только въ музыкальномъ исполненіи мы сможемъ оцѣнить ее по достоинству. Пока же, рассматривая ее, какъ чисто литературное произведеніе, приходится отмѣтить одно: въ ней есть всѣ обычные достоинства и недостатки Брюсовскаго стиха. Къ числу послѣднихъ (уже не недостатковъ, а грѣховъ) мы отнесемъ замѣтную у него все больше и больше за послѣдніе годы повторяемость мотивовъ и ритмовъ:

„Ея груди были такъ малы,
Такъ черны — дѣтскія косы,
Губы — такъ алы,
Губы, шептавшія только вопросы!“

„Это было! Это было!
„Жизнь, мгновенье, дни, часы.
„Плечи нѣжныя томила
„Тяжесть брошенной косы.

„Тамъ — вы двое! Тамъ одни вы!
„Тихнетъ грудей дѣтскихъ дрожь...
„Обручъ огненно-красивый,
„Васъ объявша, такъ хорошъ!“

Какъ это знакомо намъ! Какъ это пахнетъ „старымъ“ Брюсовымъ!

Стихи Вѣховскаго и Язвицкаго не заслуживаютъ вниманія — это все обычныя „Апуліи зеркальныя оправы“, не больше...

Изъ прозы Альманаха единственно интересна „Наденька“ Окулова. Досадно только, что авторомъ очень небрежно отдѣлана фигура Петровскаго, героя разсказа. Сильныя страницы описанія острой и жадной страсти, охватившей героевъ разсказа, много теряютъ отъ того, что Петровскій, какъ человѣкъ, остается совершенно чуждымъ и неизвѣстнымъ читателю. Впрочемъ, манера давать только „алгебраическія формулы любви“ стала теперь обычной у многихъ беллетристовъ.

Бальмонтоскій разсказъ „Почему идетъ снѣгъ“ ничѣмъ не выделяется изъ обычныхъ изящныхъ пустячковъ его прозы.

Л. Пов — ій.

Письмо въ Редакцію.

Извѣстно, какъ трудно начинающему писателю попасть въ печать. Для этого недостаточно имѣть талантъ.

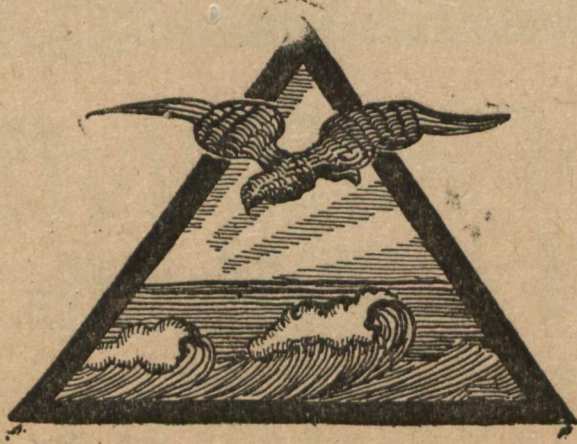
Объединившись въ „Общество молодыхъ писателей“, начинающіе беллетристы и поэты могли бы образовать на кооперативныхъ началахъ собственное издательство, въ задачи котораго, между прочимъ, входило бы изданіе произведеній членовъ Общества. Оцѣнку произведеній и назначеніе ихъ къ печати могла бы дѣлать специальная коммиссія или жюри. Общество могло бы издавать ежемѣсячникъ, по цѣнѣ доступный широкимъ интеллигентскимъ массамъ. Дальнѣйшую оцѣнку произведеній сдѣлала бы критика и читатели. Можно думать и вѣрить, что общепризнанные писатели съ видными

литературными именами поддержали бы такое начинаніе и участіемъ въ жюри и участіемъ въ ежемѣсячникѣ.

Всѣхъ молодыхъ писателей, желающихъ выбиться на широкую литературную дорогу, и всѣхъ сочувствующихъ идеѣ образованія такого Общества и желающихъ принять въ немъ участіе просить, по адресу: Сумская улица, домъ № 64, или Газовый вѣздъ, домъ № 11, Ивану Ивановичу Спренцису, прислать письменное о томъ сообщеніе съ указаніемъ имени, отчества, фамиліи и подробнаго адреса.

По полученіи этихъ свѣдѣній создано будетъ организационное Общее собраніе.

И. И. Спренцисъ.

Цѣна 75 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ